

ДЕТСТВО

Хочу вспомнить и записать свою жизнь с самых ранних лет. Я, правда, хорошей памятью никогда не могла похвастаться, а теперь тем более, но, что помню, запишу.

...Помню мою бабушку по папе. Это была очень властная, строгая женщина. Дедушку Евтушенко Тараса Петровича я не помню, так как он умер рано. Но был большим начальником в Старошербиновском районе, наверное, атаманом (возможно и атаманом, но по архивным данным, что я нашла, Тарас Петрович был губернским секретарем. — Т. С.). Жили они богато, как рассказывала бабушка, у них были полные амбары, висели окорока, осетры, черная икра стояла бочонками. Выезд был. Когда дедушка умер, хозяйство пришло в упадок.

Детей было пятеро — дочь Мария и четыре сына: Сеня, Ваня, Костя и Василий (мой папа). Все три дяди работали в Старошербиновской, а папа поехал в Екатеринодар, окончил бухгалтерские курсы и всю жизнь работал бухгалтером. У дяди Сени и дяди Вани было много детей, а у дяди Кости не было. Дядя Сеня занимался хлебопашеством, дядя Ваня был ветеринарным фельдшером, а дядя Костя работал на хлебных ссыпках.

(Дядя Сеня — урядник Сильверст Тарасович Евтушенко за освобождение Болгарии от Османского ига в 1877 году награжден Георгиевским крестом IV степени, а сын его Григорий, будучи медфельдшером в составе 3-го Запорожского полка, был удостоен этой же награды уже в Первую Мировую войну в 1916 году. — Т. С.)

Папа женился на Мане Кайдашевой, красавице из Ейска, только что окончившей гимназию. Он был старше мамы на одиннадцать лет. Мама всегда говорила: «Не выходите замуж за человека намного старше

вас. Мне все хотелось на танцы, в гости, а ему хотелось больше посидеть за самоваром, дома».

Маме было 16 лет, а папе 27. Но прожили они жизнь хорошо. У мамы был необыкновенно добрый характер. Веселая, жизнерадостная, приветливая, совершенно бескорыстная, имела большой круг друзей. В доме у нас всегда было весело, постоянно кто-нибудь жил, останавливался. Были интересные вечера, мама и папа любили играть в карты. Папа в преферанс, мама — в тринку, хотя отлично играла и в преферанс. Когда собирались, то рассаживались за разными столами. Потом вкусный ужин. Мама готовила прекрасно. К тому же родители хорошо пели. А еще мама очень хорошо читала Шевченко, Некрасова, как-то просто, певуче, за душу хватало. Моя мама была чудным человеком — незлобивая, всепрощающая, доверчивая.

По роду службы папу, через какой-то промежуток времени переводили из одного города в другой. Он работал главным бухгалтером в казначействе. Такой один переезд я помню, из Темрюка в Анапу. Это снаряжались три — четыре подводы, на них грузилась вся мебель, цветы (а у мамы их было много и большие), дети, вся домашняя утварь и двигались. По пути останавливались на хуторах, селениях. Остановились на одном хуторе, нас, детей, посадили за сырно (маленький овальный столик на трех ножках. — Т. С.) и налили в чашки молока из ведра, только что надоили. Так я не стала пить. «Это не молоко, — говорю, — наша мама приносит молоко в кувшинах, с пенкой». Раньше молоко продавали в глиняных кувшинах — глэчиках, предвременно стопленное в печке.

Но это не самые ранние воспоминания. Я себя помню еще, когда головой не доставала до стола. Это острое, сильное чувство мечтания, когда же я вырасту настолько, чтобы видеть, что находится на столе.

А еще я помню 1905 год. Мне было три года. По улицам Екатеринодара мчались казаки на лошадях с саблями наголо. А мы в ужасе и страхе выглядывали из-за калитки, боясь выйти на улицу. А взрослые собрали все иконы со двора в одну комнату, упали на колени и молились.

В Темрюке я пошла в школу. Со второго года обучения папа возил меня на вступительные экзамены в Мариинский институт в Екатеринодар, где уже училась и жила там же моя старшая сестра Наташа. Один раз мы ездили из Темрюка, другой раз из Анапы. Оба раза я была принята, но мама делала все, чтобы я туда не поехала (не хотела расставаться со мной). Папе же перечить было бесполезно, раз он сказал — все. Его слово закон.

Тогда из Анапы в Тоннельную ездили на лошадях, а из Тоннельной поездом в Екатеринодар. Так мама сказала извозчику, чтобы он приехал на час позже и мы, конечно, на поезд не попали. Другой раз извозчик приехал, а мама меня послала куда-то, и мы опять опоздали. Папе же нужно было для поездки брать отпуск, а поездка срывалась. Папа выходил из себя, но он не знал, что это все мамины проделки. Так я и не поехала учиться в Екатеринодар, а училась в Анапе, в гимназии.

Сестра моя старшая, Наташа (1899—1918), ужасно скучала по семье, учась в Мариинском институте. Она была очень добрая, веселая. Танцевала прекрасно. Когда в институт приехал Царь Николай II со своей матерью Марией Федоровной, чье имя носил институт, то Наташа танцевала перед ними казачок. Царь позвал к себе Наташу, погладил по головке и сказал: «Молодец, Наташа».

Когда она была в последнем классе и ей пришла пора, как обычно осенью, уезжать учиться, то она ужасно не хотела. Все просила, чтобы ей разрешили окончить гимназию в Анапе. Но папа был непреклонен. Долго затягивался отъезд, и уже стояли холодные дни. Приехал извозчик, и Наташа попросилась побегать и искупаться в море. Искупалась и с мокрой головой ехала 30 км на извозчике. Простудилась и, когда приехала, сразу заболела и умерла в институте в 1918 году от свиrepствующей в те годы «испанки».

(В семейном архиве чудом сохранилось ее детское письмо из института домой от 27 октября 1911 года —

наивное, трогательное со всеми новостями и переживаниями одиннадцатилетней девочки. Как давно это было. — Т. С.)

АНАПА

В Анапе мы жили долго. Я помню войну 1914 года. Привозили туда много пленных турок. Везли их через весь город на подводах по четыре человека на каждой. В фесках и серых накидках, какие-то жалкие. И в госпиталях они лежали. Мы, школьники, еще ходили их развлекать.

Тогда же, в эту войну 1914 года, нас эвакуировали в Ейск, а папа оставался в казначействе в Анапе, жил один в доме. Мои родители обычно снимали целый дом с подворьем, у нас всегда была прислуга. Когда мы уехали, папа прислугу рассчитал. И вот один раз папа приходит со службы, а квартира ограблена. Он сейчас же в полицию, и те с собакой побежали по следам. Следы привели во двор бывшей прислуги. Интереснее всего, что когда вошли в комнату, то на комоды были расставлены все наши фотографии. Деваться было некуда, во дворе под дровами были закопаны наши вещи. А еще смешнее, что когда через год мы вернулись домой, то эта прислуга пришла к маме, расплакалась и просила ее взять опять. И мама взяла.

В Анапе мы прожили около десяти лет. Здесь прошло мое детство и ранние годы юности. Училась в гимназии, любила петь, здесь я начала выступать на сцене. Помню огромные афиши по городу: «Выступает Ани Евтушенко, аккомпанирует симфонический оркестр». Дирижировал Замула, хотя я сейчас вспоминаю, он был дирижер и духового оркестра. Бывало, открою окна, убираю квартиру и пою. Потом посмотрю на улицу, а там толпа народу стоит и слушает, а я делаю вид, что не вижу, и заливаюсь. Одну песню за другой, пока не напоюсь.

Жизнь в Анапе была очень интересная. У нас всегда было полно молодежи. Имелся и свой ребячий оркестр — гитара, мандолина и балалайка. По вечерам собирались, играли, пели, танцевали. Мама и папа были гостеприимные и к нам всегда шли люди. Пели часто все хором — и молодежь и пожилые. Папа очень любил «Черный звон» и хорошо «бомкал».

Зимой родители участвовали в любительских спек-

таклях. Мама хорошо играла. Спектакли ставились в «Курзале». Это было очень красивое здание в городском саду, хорошая сцена. Там, помню, и я играла «Шпартгалку» в пьесе «Иванов Павел». Очень симпатичная вещь, вроде оперетты. Все поется, а папа играл сторожа.

А какие студенческие вечера устраивались летом, когда студенты приезжали на каникулы!.. Весь сад украшался, специальные беседки, шалаши устраивались. Молодежь приносила из дому ковры, цветы, вещи. Все оформлялось уютно, всякие киоски с лотереями, играми, аукционами. Где-нибудь на возвышении стояла красивая девушка, и продавался ее поцелуй. В шалаше сидела гадалка, а шалаш весь из ковров. Было много всякой выдумки – почта, бега в мешках, бега с ложкой, а в ложке яйцо, приз за лучший, оригинальный костюм. Сколько было трюков всяких. И обязательно концерт и танцы. Это бывало каждое лето.

В этих концертах выступала и я. Помню, пришла ко мне студенческая комиссия приглашать петь на студенческом вечере. Я, конечно, с радостью согласилась, это ж так интересно. Я еще гимназистка, а меня приглашают студенты. Набежали подружки, все с советами – что надеть, как выглядеть красивее, а одна и говорит: «Мне одна знаменитая певица говорила, что она перед выступлениями делает себе согревающий компресс на шею. Сделай и ты, вот будешь звучать». Ну, я и сделала, конечно, не очень умело, намочила, чуть ли не полотенце, замоталась и легла во дворе. Наутро я не могла не то чтобы петь, а просто говорить. Был какой-то тихий шепот, и болело горло. Я даже не смогла просто пойти на вечер. Столько слез было.

На танцевальных вечерах я часто брала призы за наурскую, мазурку, танго. В то время очень модны были маскарады, но нам, гимназисткам, посещать их запрещалось категорически.

И вот на один из таких маскарадов я пошла в маске и маскарадном костюме. Начались танцы, и был объявлен приз – золотое кольцо за наурскую. Мне очень хотелось протанцевать, но на самом видном месте сидели три классные дамы из нашей гимназии и смотрели, нет ли гимназисток на балу (за это могли и из гимназии исключить). Моя компания начала меня уговаривать танцевать, а я, как гляну на этих дам, сердце замирает. Ну все же пошла. Танцевали двенадцать пар, я была ше-

стая. Когда я протанцевала, все стали кричать: «Приз, приз!», но ведущий сказал, что объявлено двенадцать пар и мы должны всех просмотреть.

Конкурс продолжался, после каждого выступления все по-прежнему кричали, чтобы приз дали мне. И так, протанцевали все 12 пар, и приз все равно был дан мне. Когда мне вручили кольцо, все стали кричать: «Маску снять», а для меня это было самое страшное. Тогда я попросила разрешения пойти в костюмерную и причесться перед тем, как снять маску. Это мне посоветовал Костя Спотонуло (Споконуло), сын нашей хозяйки. Я пошла в костюмерную, а Костя побежал к нам домой (это было недалеко, на Рождественской улице) и взял папину черную накидку с капюшоном. Тогда мужчины носили такие верхние накидки, застегивающиеся на груди львами. Все это время я сидела и дрожала от страха. Он прибежал, открыл дверь, и я прямо нырнула в накидку. Костя обнял меня за плечи, мы убежали через двор, и уже издали слышали крики: «Что так долго, маску, маску». (Этот перстень с белым камнем мама носила много лет, вплоть до войны, хотя ношение колец после революции критиковалось, как и галстуки, это считалось буржуазным предрассудком. – Т. С.).

Из Анапы я совершила свое первое путешествие на пароходе до Батуми. Была очень хорошая компания, было очень интересно. В этой поездке произошел такой инцидент.

Из Сухуми мы поехали на лошадях в Новый Афон. В каждом фазтоне сидело по паре, ну, и я с рыцарем (врач из Ростова). По дороге начали перегонять друг друга. Пока дорога была ровная, все проходило хорошо и весело, но вдруг при повороте вокруг горы наши лошади понесли. Это было ужасно страшно. Справа высокая гора, слева пропасть, дорога узенькая, впереди крутой поворот. Остановить лошадей невозможно. Кучер уже стоит и натягивает вожжи, то правой лошади, то левой, а они мчат как сумасшедшие. Я вижу впереди крутой поворот и думаю: «Ну, все». Так хорошо помню, что за эти минуты передо мной прошла, промелькнула вся моя жизнь так подробно, что потом я поражалась, вспомнились такие мелочи, о которых никогда не вспоминала, как будто даже и не знала, и только звала маму.

Когда мы подлетели к повороту, кучер сумел повернуть направо за гору, но сразу же налево был мост через

реку, по которому надо было проехать. На него кучер смог повернуть лошадей, но на мосту они грохнулись прямо на нас, вернее на коляску, а мы под коляской, а лошади сверху. Они запутались в перилах, одна лошадь хотела подняться и все становилась копытом на мою ногу, так что мою ногу сильно поранило. А в общем мы отделались легко. Правда, лошади оторвало хвост, фаэтон стал просто пучком железа.

После оказания помощи нас привезли в Новый Афон. Здесь нам нужно было многое осмотреть, а я не могла ходить. Так ребята делали из четырех рук скамеечку и меня везде носили – и к водопаду, и в монастырь, и в пещеры...

У мамы было одиннадцать детей, но росло нас шестеро: Ната, я, Варя, Александр, Славочка и Жора. Наташа умерла восемнадцатилетней в Екатеринодаре, в Мариинском институте в 1918 году, Варя умерла в Ейске в 1921 году от сыпного тифа, тоже восемнадцатилетней, Александр погиб на войне в Крыму в 1942 году, Славочка умер в 1977 году, мы с Рыжмулей живем (за светлые волосы в детстве Георгия дома называли «рыжим», умер он в 1980-м, а мама – в 1982 году. – Т. С.).

Варя у нас была красавица, смуглый цвет лица с румянцем, глаза с поволокой, локоны падали на плечи. К тому же она была очень озорная и большая выдумщица на всякие проделки. (С ее роскошными локонами была смешная история. Варе надоели длинные волосы, и она захотела их срезать. Однако папа Василий Тарасович не хотел об этом и слышать. Тогда она подготовила братьев обрезать одну косу, а она в это время будет читать и якобы не заметит этого. Тогда, мол, папа согласится, что ж теперь поделаешь, не ходить же с одной косой. Когда дело было сделано, что было нелегко – срезать заплетенную толстую косу, она «со слезами» побежала жаловаться на братьев. Папа посмотрел пристально на нее: «Ах! Не заметила, ах! зачиталась, ну и ходи с одной косой!». Так и ходила, мучилась, подкалывала волосы долгое время. – Т. С.)

У Вари всегда было много поклонников. Очень любил ее Борис Пиленко, это из знаменитой семьи Пиленко в Анапе. Отец его был большой общественный деятель, имел дачи, виноградники. Борис со своей семьей в революцию уехал за границу. Интересна их судьба. Насколько я знаю, они плыли на пароходе по

Черному морю. В море их пароход затонул, они на лодке приплыли, уж к какому берегу – не помню, но основались в Тунисе, Губелан, общество «Трактор». Оттуда, в годы НЭПа, Борис, узнав адрес, писал Варю в Ейск (к этому времени семья жила в Ейске), чтобы она его ждала, предлагал «руку и сердце», что он все равно за ней вернется или встретит ее в Константинополе (Стамбуле). Но Вари уже не было в живых, она умерла в 1921 году от сыпного тифа.

Ответила ему я. Некоторое время мы переписывались. Он все мне изливал душу, как он любил Варю, писал: «Все равно я приеду на ее могилку». Так больше я его не видела и не знаю их судьбу.

(Печальна судьба Вариной могилы. Она была снесена вместе с Пантелеймоновской церковью и кладбищем в двадцатых годах. На этом месте построили автостанцию, кинотеатр «Октябрь» и т. д.)

А судьба Бориса Пиленко (1900–1975) сейчас известна. Он сын Владимира Илларионовича Пиленко, инженера, известного общественного деятеля, много сделавшего для развития Анапы как города-курорта. Борис – троюродный брат Елизаветы Юрьевны Пиленко (Кузьминой-Караваевой-Скобцовой), поэтессы, прославившейся впоследствии как Мать-Мария.

После революции Борис жил сначала в Африке, потом во Франции, женился на француженке, имел 12 детей. Умер в Ницце. Его младший брат Сергей (р. 1914 г.) в 2001 году приезжал в Анапу вместе с дочерью Бориса Даниэль и ее мужем Жаном. Об этом мне рассказал известный краевед, знаток истории Анапы, врач – Леонид Иванович Баклыков.

В Анапе после революции скопилось много беженцев из Москвы, Петрограда и других городов, которые потом эмигрировали за рубеж. За ними, как рассказывала мне мама, приходили пароходы, ожидая на рейде. Приехала сюда и Матильда Кшесинская – знаменитая прима-балерина Императорского Мариинского театра. Она остановилась в гостинице, которую держала Акулина Максимовна Макаренко. По другим сведениям А. М. была администратором гостиницы вместе с Винниченко. Акулину Максимовну со старшими Евтушенко связывала большая дружба, которая передавалась следующим поколениям.

Так вот, как-то раз, я спросила у Георгия Калинин-

ковича Макаренко, сына Акулины Максимовны, видевшего подростком Кшесинскую, какая она собой? И услышала в ответ: «Мы, когда узнали о приезде Кшесинской, бежали со всех ног посмотреть на эту знаменитость, и были страшно разочарованы, она была как кошка драная».

В эту же пору здесь поселился человек трагической судьбы протоиерей, кандидат богословия, автор учебников по Священной истории Аполлон Михайлович Темномеров. Он же законоучитель наследника престола цесаревича Алексея. В 1918 году он перевез свою семью из Петрограда в Анапу и стал преподавать Закон Божий в гимназии, где училась моя мама. Вместе с ней училась и его дочь Клава, которая в войну умерла в блокадном Ленинграде. На маминой фотографии гимназисток за 1919 год законоучитель Аполлон Михайлович занимает одно из центральных мест.

Аполлон Михайлович в своих проповедях отличался особым красноречием, эрудицией, доказывал несостоятельность и утопичность социализма и коммунизма. В 1920-х годах перешел в обновленчество и как делегат от Кубани поехал в Москву на съезд обновленцев «Живое слово». Вернувшись в Краснодар, он отказался от новых идей, явился в Георгиевскую церковь, где принес всенародное покаяние.

Отец Аполлинаруий, уже преклонных лет, во время покаяния не смог сдержать слез. Его дважды арестовывали – в 1929 и 1933 гг. В мае 1933 года Аполлона Михайловича расстреляли. Лишь спустя много лет его реабилитировали [По исследованиям Л. М. Баклыкова и данным Википедии. – Т. С.).

Отступление в дневнике. Мой брат Александр (Александр Васильевич Евтушенко) был очень талантливый – прозаик, поэт, журналист. Очень жизнерадостный, добрый. Где он только не работал, где только не жил. Поживет, поработает в одном месте – надоело. Приезжает домой – поживет дома, потом берет географическую карту и выбирает место, где еще не был и где интересно побывать. Едет, устраивается, работает с увлечением, пока не потянет его опять в неведомое. Работал он и агрономом, и корреспондентом, и редактором в газетах.

Помню, когда я приехала к нему в гости в Темрюк, то они с братом Жорой повели меня на сопки. И вот ког-

да мы подошли к сопкам, то Александр выбрал самую большую и предложил – кто скорее добежит до вершины. Я и не подозревала об опасности. Мы разогнались с трех сторон и побежали. Когда я со всего разбега добежала до верхушки, то увидела, что сопка действующая и там серая дышащая грязь. На вершине мы схватились за руки. Я как увидела эту лаву, хотела повернуть обратно, а это невозможно, ноги проваливаются в массу и нельзя повернуться. Вижу, лава застывает и все засасывает. А ребята хохочут.

Уже сейчас и не помню, как я вырвалась оттуда. Когда пришли домой, то нам сказали, что там и людей, и коров засасывало. Сейчас и то страшно вспомнить, а братья смеялись. Пошутили.

КАК Я ОРГАНИЗОВЫВАЛА ДЕТСКИЙ ДОМ

В 1919 году умерла бабушка (мамина мама) и оставила маме в наследство домик, мы всей семьей переехали жить в Ейск. Там в 1920 году я закончила последний восьмой класс «Ксенинской» гимназии №1. (В 1925 эту гимназию, уже школу II ступени, окончил Герой Советского Союза № 1 А. В. Ляпидевский, потом народные артисты СССР С. Ф. Бондарчук и Н. В. Мордюкова. – Т. С.)

В это время разворачивалась борьба с беспризорностью. Наш выпускной класс заставили посещать вечером двухмесячные курсы «дошкольного воспитания». Таким образом, я одновременно окончила гимназию и эти курсы. По окончании учебы меня отправили в военном порядке организовывать детский дом в станице Новошербиновской, а так как я пела и играла на рояле, то меня мобилизовали в первую очередь.

(Постановлением революционного комитета вместе с мамой послали еще двух гимназисток, но они вскоре вернулись назад, домой. Боже мой, на каких клочках старых канцелярских бумаг, уже использованных ранее, писались эти грозные распоряжения. – Т. С.)

Когда я приехала в станицу, то нужно было начинать с самого начала. Мне дали лошадь, тачанку и полные полномочия доставать дом, мебель, оборудование, детей (и это в 17 лет!).

И вот я поехала по станице выбирать дом, а по существу, отбирать все у богатых казаков. Сначала выбрала дом, хозяев выселили во времянку во дворе. Потом стала ездить по хаткам собирать кровати, столы, стулья, пианино, буфеты, все, что нужно. Молча все отдавали. Боялись. Потом мне надоели косые взгляды хозяев, и я начала искать более подходящее здание и нашла. При церкви находилась церковно-приходская школа. Большое, хорошее, светлое здание. Школы же тогда не занимались, и я перебралась туда. Ни перед кем не обязана.

Когда все оборудовала, начала собирать детей, они были буквально беспризорные. Спали на улицах, в пустых сараях. Потом вдовы и сами стали приводить своих детей. Отдавали совсем. Так я собрала 40 человек. Мне дали обслуживающий персонал, две коровы, сено. Был же буквально голод. Дети пришли со вспухшими животами, на тонюсеньких ножках. Жалко было смотреть.

Материала для одежды было очень мало. Мы сшили только по одной рубашке и так в одной длинной рубашке они и ходили. Кормили детей неплохо. Мне начальство всегда давало продукты в первую очередь. Я очень доверяла всем, и меня, конечно, обкрадывали. Например, дадут штуку-две (рулон) ситцу для детей, а потом меня вызывает заведующий отделом народного образования Макаренко и говорит: «Анна Васильевна, почему все родичи Феньки (кухарка) ходят в ситцах, что я вам выдал». Пришлось прятать. Выпишет воз сена коровам, а дня через три его уже нет. Опять иду просить: «Да я вам только что выписал». Ко мне очень хорошо относились все там.

А по вечерам я принимала участие в вечерах — пела, танцевала, играла на сцене в спектаклях. Запомнился спектакль Андреева «Дни нашей жизни», я играла там Оль-Оль. Мне было очень интересно и весело там жить. Как заскучаю за родными, мне сейчас же давали тачанку, кучера, и я ехала домой повидаться с родителями. Все, какие тогда почести были, — мне выдавались. И на Красной доске всегда была, и всякие грамоты. Из города приезжали различные комиссии — всегда хвалили.

Дети росли в доме хорошие — сытые, здоровые, никогда никто не убежал, а, наоборот, просились. Может быть, потому что это была станица, дети не были такие испорченные, как в городе. Никаких извращений, ругани, драк, ссор. Была очень хорошая атмосфера.

Проработав в детском доме один год и два месяца, я заболела. Врачи мне сказали, чтобы я бросила работу и пожила с родными, что я и сделала.

Власть менялась чуть не каждый день, даже, вернее, ночь. Ночью нападали то белые, то зеленые. Ночью шли бои, а утром проснешься — опять красные. Однажды, после такого ночного налета на церковной площади осталось много убитых. Я наутро пошла посмотреть, нет ли среди убитых знакомых. А вокруг никого — только убитые лежат. Я стала ходить между ними, присматриваться. Вдруг, слышу с колокольни крик: «Стой, шпионка, стрелять буду». Я посмотрела — вокруг никого, только я одна живая, хотела уходить, а он кричит: «Ни с места, сейчас стрелять буду». Ну, я и остановилась. Смотрю, идут двое с винтовками ко мне, взяли меня с обеих сторон и ведут. А тот, с колокольни, опять кричит: «Отойдите от нее, стрелять буду». Но те, двое солдат, меня не бросили, а повели к коменданту.

Когда мы вошли к нему, то я увидела, что с этим комендантом накануне танцевала. Это меня и спасло. Он меня не выпустил до вечера, а вечером вывел из ограды, перевел через дорогу к каким-то старикам и велел сидеть до ночи, а в темноте уйти домой. Говорит: «Время военное, если увидит вас тот солдат, то может и убить». Ну, конечно, я там сидела, пока совсем не стемнело.

Был там у меня знакомый белый офицер. Он собственно не белый, а офицер еще царской армии и в войну 1914 года был сильно ранен в позвоночник и уже несколько лет лежал. И вот как-то раз, после очередного набега и освобождения, к нему пришли, забрали, посадили в подвал и грозили ночью расстрелять. А вечером для этой военной части должен был состояться концерт, где ведущая роль была отведена мне. А как я могу петь, когда со сцены объявили, что в эту ночь их расстреляют. Состояние было ужасное.

И вот идет официальная часть и по сцене мечется военный и кричит (вроде как выступает): «Мы выбрали эту путь ...» А я в первом ряду сижу и подаю реплику: «По-русски сказано». Ох, как он заметался: «Кто смеет меня поправлять? Да, мы малограмотные, но мы возьмем свое. Выходи сейчас же, я тут на месте сейчас расстреляю». Вынул наган, машет им: «Выходи, сейчас же, выходи». Я сижу, молчу, не дышу. А со мной сидел целый ряд друзей, знакомых. И все замерли, молчат.

Никто ни слова. «Покажите мне, кто сказал?» Никто не шелохнулся. Он побегал, побегал и ушел со сцены.

Концерт мы дали, и, к счастью, никого не расстреляли. С концерта командир дивизии отвез меня на санях домой. Очень приглашал в компанию, но я не поехала.

Однажды на автомобиле (в то время это была редкость) в станицу приехал Ян Полуян. Я как глянула, так ахнула. В нем я узнала своего знакомого. Он у нас в Анапе во время «белых» скрывался. Жил зиму и, наоборот, подпольно работал. Я тогда и не подозревала. Только помню, они с папой каждый вечер спорили — папа до бешенства, а он спокойно. Папа кричал: «Ты міні, бісова душа, докажи, зачем забрали у казаков наделы?» У папы ж было три сына, и он сам, и папа получал каждую осень арендные за свои четыре надела. Ну, а красные это аннулировали. Ян Полуян спокойно доказывал свою правоту и, вообще, просвещал.

Когда красные победили и папа узнал, какой Полуян большой человек, то все поражался его благородству: «Ведь он же меня за мои разговоры мог загнать».

А сейчас Я. Полуян приехал, выступил с автомобиля и уехал. Мне так и не пришлось с ним поговорить.

ГОЛОД, РАЗРУХА

После работы в Новошербиновской я приехала домой в Ейск. Шел к концу 1921 год. Был ужасный голод. Когда я работала в детдоме, то младшие братья жили у меня, а теперь мы все съехались, и было очень трудно. Когда я уезжала из станицы, то Славочка сразу сел со мной в тачанку, чтобы ехать домой, а Жора убежал, сказал: «Не поеду». Мы долго его искали, пришлось ехать без Рыжмули. Но он пожил некоторое время без меня, а потом приехал сам.

В Ейске я начала лечиться, лечил меня доктор Бадмаев, врач царя Николая II. Он бежал в Ейск и вел частные приемы. У меня и сейчас есть справка с его подписью. В Ейске я не работала, то ходила на курсы машинисток, то пела в церковном хоре, где я познакомилась с Надей Щербиной и со всем ее семейством. (Со всеми Щербинами, а у них было шестеро детей, в том числе с младшей сестрой Верой, мамой кубанского композитора Евгения Алабина, мама дружила до конца своей жизни. — Т. С.).

У нас была очень хорошая компания, несмотря на тяжелые годы, нам было весело, каждый день встречались. В доме не было электричества, сидели при лампе. При чем папа демонстративно, когда ложился спать, входил, забирал молча лампу и уносил, чтобы почитать на ночь. А мы, также молча, затаив дыхание, наблюдали и оставались в темноте. Потом ребята сами провели электричество в наш дом.

Это были страшные голодные годы. Хлеба не было. Папа регулярно ходил на работу, он работал бухгалтером и получал в месяц 3000 рублей. Булка хлеба на рынке стоила как раз 3000 руб. Вот получит зарплату, мама купит булку хлеба, и пируем. И все. Но никогда у него и мысли не было бросить работу.

Всю тяжесть жизни несла мама. Она вязала большие шерстяные платки с бахромой, ходила по станицам и меняла их. Была комиссионершей, — брала на комиссию вещи, продавала и какой-то процент имела. Вырезала из папиросной бумаги скатерти, занавески на окна и меняла на продукты. Что только она не придумывала. И никогда не падала духом.

Помню, сидит утром на кровати, одевается и напевает. Смотрит, на стене висят двое ножниц. И говорит: «Смотри, Вася, двое ножниц, да зачем же нам двое? Сейчас пойду на рынок и обменяю». А папа в ответ: «Черт его знает, что за жинка, исть нема чога, а вона співа».

Хлеба давно не было. Выручала тюлька. Ведро тюльки мама отварит, бульон выпьем, а из тюльки котлеты. Она была очень жирная и дешевая. Папа как-то обменял свое охотничье бельгийское ружье, патронташ и много всяких принадлежностей для охоты на мешок муки. Я прихожу, а у нас пир горой. На столе стопка пышек. Все счастливые, сытые.

(Далеко не все могли выстоять в те голодные годы. Мама рассказывала, что по утрам на улицах часто можно было натолкнуться на умерших от истощения людей, чаще всего они лежали на ступеньках аптек. Видимо, думали, что там их спасут. — Т. С.). ■

Примечания Татьяны Самусь

(Продолжение следует)